

Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд

Е. Е. Иванов (Могилев, Беларусь)

Стары́х людён' пословицы не мимо д'бла.

*«Пове́сти, или Пословицы
всенародн'ишыя по алфавит'у»*

(рукописный сборник XVII века)

Введение. Понятие «паремиологический минимум» возникло в середине второй половины прошлого века, очень быстро вошло в научный обиход и приобрело в среде паремиологов и широкого круга лингвистов большую популярность, несмотря на периодически появляющиеся критические оценки состава и способов определения паремиологических минимумов тех или иных языков. Причиной такой популярности, на наш взгляд, стала не столько сама по себе возможность выявления экспериментальным путем широко известных и наиболее употребительных пословиц, сколько насущная необходимость лингвистов иметь в своем распоряжении некий исчислимый на основании общепринятых критериев и обозримый по своим количественным параметрам состав паремиологических единиц для определения основных характеристик паремиологических подсистем различных языков мира в описательном и сопоставительном аспектах, лингводидактической репрезентации пословиц при преподавании языка как иностранного и как родного и др. Однако вскоре выяснилось, что паремиологический минимум может служить для указанных целей только частично из-за трудности, а часто и вообще невозможности точно и объективно установить объем и состав его единиц для данного языка (Мокиенко 2011).

В этой связи актуальным для современной паремиологии является не только уточнение принципов и методики эксперимента по определению паремиологического минимума, но и поиск и апробация новых количественных способов и приемов описания паремиологического фонда языка.

1. Паремиологический минимум языка. Экспериментальные методы изучения количественного и качественного состава и других лингвистически значимых характеристик паремиологических единиц языка были теоретически разработаны и воплощены на практике в рамках структур-

ной паремиологии (Пермяков 1988). Наибольшую известность получил так называемый «**паремиологический эксперимент**» Г. Л. Пермякова, основной целью которого было выявить в русском языке «**паремиологический фонд**» (наиболее употребительные пословицы) и «**паремиологический минимум**» (минимальный состав пословиц и иных устойчивых изречений, известных всем носителям русского языка).

«Паремиологический эксперимент», как известно, проводился в два этапа. На первом этапе группе информантов было предложено указать неизвестные им выражения из списка 1495 русских паремий, которые можно было бы, по мнению Г. Л. Пермякова, отнести к наиболее употребительным в настоящее время. На этом этапе было получено более 300 ответов. В ходе второго этапа эксперимента другой группе информантов (около 100 человек) было предложено только 538 пословичных изречений, подобранных автором эксперимента, около 90,0% из которых показали на первом этапе наивысшую степень известности. Однако на этот раз информанты должны были самостоятельно дописать недостающий фрагмент пословицы, поскольку в анкете была указана лишь ее начальная часть. Ср.: *Обещанного* — ?... (← *Обещанного три года ждут*); *Сказано* — ?... (← *Сказано — сделано*); *Тише едешь* — ?... (← *Тише едешь — дальше будешь*) и т. п. В результате эксперимента выяснилось, что в современном русском языке максимальный объем наиболее употребительных изречений не превышает 500 единиц (Пермяков 1988: 154–166), а их минимальное количество составляет около 300 единиц (Пермяков 1985; Пермяков 1986).

Лингвистическая значимость «паремиологического эксперимента» Г. Л. Пермякова состоит не только в том, что с его помощью удалось определить объем наиболее известных пословиц и иных устойчивых изречений в составе паремиологического фонда русского языка, но и в том, что эксперимент дал богатейшие статистические данные и выдвинул множество новых вопросов как в области «социологии пословиц», по выражению А. Крикмана (Крикман 1995), так и лингвистики афоризма. В частности, данные «паремиологического эксперимента» стали использоваться лингвистами в качестве объективной эмпирической основы для определения объема афористических единиц языка (Верещагин, Костомаров 1990: 73).

Несмотря на методологическую оригинальность, гениальную простоту и уникальную масштабность фактического материала, «паремиологический эксперимент» Г. Л. Пермякова имеет существенные погрешности, которые не позволяют считать его результаты объективными.

Так, отбор исходного паремиологического материала для эксперимента носит субъективный характер, поскольку основным критерием определения объема и состава исходных паремий является языковая компетенция исследователя, а не объективные лингвистические и экстралинг-

гвистические факторы (показательно в этой связи, что на втором этапе эксперимента результаты первого этапа были учтены только на 90,0 %). Кроме этого, место проведения эксперимента было территориально ограничено (только Москвой и Московской областью), а персональный состав информантов не был сбалансирован ни качественно, ни количественно (более 300 участников на первом этапе и только около 100 — на втором), что, безусловно, не могло не повлиять на результаты.

Столь серьезные нарушения чистоты и широты эксперимента не позволяют распространять его результаты на весь паремиологический состав русского языка. Степень общеизвестности и распространенности пословиц, входящих в «паремиологический минимум» Г. Л. Пермякова, значима только, как справедливо заметил А. Крикман, для «данного региона России» (Крикман 1995: 340) и только в отношении той группы носителей языка, которые были избраны информантами. Это легко иллюстрируется примерами общеизвестных и широко распространенных русских пословиц, которым не нашлось места в составе выявленного Г. Л. Пермяковым паремиологического минимума русского языка. Ср.: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Кошке игрушки, а мышке слезки; Не зная броду, не суйся в воду; Пар костей не ломит; По Сеньке и шапка* и т. п.

В то же время в состав единиц паремиологического минимума был включен ряд весьма сомнительных в отношении своей известности каждому носителю русского языка выражений. Ср.: *<Во всем> виноват стрелочник; Из искры — пламя; Когда на охоту ехать, тогда и собак кормить; Не было ни гроша, да вдруг алтын; Нет розы без шипов (или Розы без шипов не бывает); Сядем рядом да поговорим ладком* и т. п. (Пермяков 1988: 154–166).

В связи с определением состава паремиологического минимума возникает вопрос о его парадигматическом соотношении со всем корпусом паремиологических единиц языка. По утверждению Г. Л. Пермякова, «в паремиологическом минимуме должны быть представлены все основные особенности (закономерности) пословичного фонда в целом. Он должен содержать все типы паремий (с тем, чтобы правильно и равномерно отразить все их смысловые функции) и все возможные типы грамматических (лексико-синтаксических) конструкций». И далее: «паремиологический минимум какого-либо языка (народа) — это в миниатюре (сокращения до возможного минимума) весь паремиологический фонд данного языка (или народа). Он обладает всеми (или почти всеми) основными особенностями всего паремиологического фонда, т. е. имеет основной набор его реалий, полный набор его логических конструкций и набор его лингвистических образцов разных типов. По паремиологическому минимуму можно изучать все основные свойства паремиологического фонда данного языка (или народа) вообще» (Пермяков 1988: 212–213).

Универсализация качеств паремиологического минимума так и не была доказана Г. Л. Пермяковым на надежном эмпирическом материале, что, однако, не лишило бы ее очевидных и весьма существенных противоречий. На наш взгляд, паремиологический минимум может и не отражать все возможные структурные и семантические типы пословиц в данном языке, поскольку, во-первых, количественно ограничен только языковым материалом, функционально актуальным в тот или иной (у Г. Л. Пермякова — новейший) период развития языка, а во-вторых, качественно (содержательно) детерминирован экстралингвистическими факторами (культурными приоритетами эпохи, разнообразными социальными и демографическими катаклизмами, сменой мировоззренческих парадигм в обществе и т. п.). По этим причинам паремиологический минимум объективно не может, вопреки утверждению Г. Л. Пермякова, иметь «основной набор реалий всего паремиологического фонда» данного языка (Пермяков 1988: 213).

Таким образом, функциональная и содержательная актуальность единиц паремиологического минимума ограничена только тем или иным периодом исторического развития языка. Иными словами, на разных этапах исторической динамики языка количественный и качественный состав его паремиологического минимума всегда будет различным (что не исключает наличия внутри паремиологических минимумов, зафиксированных в разное время, известного количества одних и тех же пословиц). Поэтому «паремиологический эксперимент» Г. Л. Пермякова и его результаты соответствуют только одному из возможных подходов к изучению языковой системы — диахроническому.

2. Основной паремиологический фонд языка. При взгляде на состав паремиологического фонда языка с синхронической точки зрения можно обнаружить определенное количество пословиц, лексико-грамматический состав которых существенно не менялся на протяжении длительного времени и которые активно употребляются сегодня в той же форме и с тем же смыслом, что и много столетий тому назад. Ср., например, в толковом «Словаре русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова (Жуков 1991) и в первом из известных рукописных русских паремиологических сборников XVII века «Повѣсти, или Пословицы всенароднѣишыя по алфавитѣ», изданном П. К. Симони (Старинные сборники 1899: 73–162): *Где тонко, там и рвется* — *Гдѣ тонко тамъ и рвется* (577 — здесь и далее в соответствии с нумерацией пословиц в сборнике П. К. Симони); *Куда иголка, туда и нитка* — *Куды иголка тѣды и нитка* (1270); *Пьяному <и> море по колено (по колена)* — *Пьяномуу и море по калѣна* (1896); *Утро вечера мудренее* — *Утро вечера мѣдренѣе* (2315);

Чему быть, того (тому) не миновать — **Чемъ быть того не минуѣть** (2606); *Шила (шило) в мешке не утаишь* — **Шила въ мѣхѣ не утаитъ** (2648) и т. п.

Совокупность таких пословиц можно определить как **основной паремиологический фонд** языка — корпус пословиц, которые являются общеизвестными и наиболее употребительными, а это значит содержательно актуальными для носителей языка на различных этапах его исторического развития, включая современный период. Такие пословицы находятся вне исторической динамики языка и могут рассматриваться (с известной долей условности) как паремиологическая константа. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд, таким образом, противопоставляются друг другу на основании глобальной антиномии двух подходов к анализу языка — диахронического и синхронического.

Категориальным признаком единиц основного паремиологического фонда следует считать их вневременной характер (устойчивость во времени), поэтому главным критерием включения той или иной пословицы в состав основного паремиологического фонда будет являться ее широкая встречаемость как в наиболее ранних в истории языка, так и в современных текстах и паремиографических источниках.

3. Определение состава основного паремиологического фонда языка предполагает решение как минимум двух серьезных проблем, первая из которых детерминирована экстралингвистическими факторами, а вторая — собственно лингвистическими.

3.1. Первая проблема (экстралингвистическая) связана с возможным отсутствием тех или иных общеизвестных и широко употребительных в речи пословиц как в древних, так и в новейших паремиографических источниках.

Так, в толковом (нормативном) словаре русских пословиц и поговорок В. П. Жукова, отсутствует ряд распространенных в современном русском литературном языке пословиц, которые были зафиксированы еще в первом рукописном сборнике русских паремий XVII века. Ср.: *Вода путь найдет* ⇐ **Вода' пѣтъ наидетъ** (379); *Где шьют, там и порют* ⇐ **Гдѣ шьютъ тамъ и порютъ** (585); *Говори, да не заговаривайся* ⇐ **Говори' да не проговариванся** (640); *Хлопот полон рот* ⇐ **Хлопотъ полонъ ротъ а' переку'ситъ нѣчево** (2410) и т. п. Вместе с тем в словаре В. П. Жукова приводится довольно много пословиц, которые давно вышли из широкого употребления в современном русском литературном языке по причине утраты ими содержательной актуальности и встречаются только в немногочисленных художественных произведениях преимущественно XIX века.

Ср.: *Бабы города недолго стоят* (устар.) $\leftarrow$ **Ба^би города не стоятъ** (187); *Без денег в город — сам себе враг* (устар.) $\leftarrow$ **Бе^з денегъ въ городъ самъ себѣ врагъ** (198); *Нашего горя и топоры не секут* (устар.) $\leftarrow$ **Нашева' горя' и топоры не секѣтъ** (1778); *Не бойся суда, <a> бойся судьбы* (устар.) $\leftarrow$ **Не боися и'сца боися сѣдн** (1718); *Разбойник — живой покойник* (устар.) $\leftarrow$ **Ра^збойникъ живон' покойникъ** (2054); *С сильным не борись, <a> с богатым не судись* (устар.) $\leftarrow$ **Съ сильнымъ не ворись а зъ богатымъ не тяжи'** (2121); *Старую собаку не баткой звать* (устар.) $\leftarrow$ **Старю собаку не баткомъ звать** (2186); *У богатого (богатому) телята, <a> у бедного (бедному) ребята* (устар.) $\leftarrow$ **Убогомѣ' ребята а' богатомѣ' телята'** (2304) и т. п.

Отсутствие фиксации той или иной пословицы в отдельных паремиографических источниках может свидетельствовать о ее выходе либо из употребления вообще, либо лишь из активного состава паремиологических единиц на данном этапе исторического развития языка. Поэтому основной паремиологический фонд целесообразно описывать в виде полевой структуры. Его ядром будет выступать корпус пословиц, которые встречаются в текстах и фиксируются в основных паремиографических источниках последовательно на всех этапах развития языка, включая наше время, а периферией — те пословицы, которые характерны только для того или иного периода его истории.

Основными паремиографическими источниками языкового материала при определении ядра основного паремиологического фонда могут быть только те собрания пословиц, которые являются наиболее репрезентативными как по количеству, так и по принципам отбора единиц и достоверно отражают состав паремиологической подсистемы языка в разные периоды его истории.

В этом смысле толковый словарь русских пословиц и поговорок В. П. Жукова не является достаточно достоверным паремиографическим источником. Помимо указанных выше лакун в отражении широко распространенных в современном русском литературном языке пословиц в данном словаре игнорируются варианты многих старинных русских пословиц, зафиксированные в древних паремиографических источниках (в том числе и в рукописном сборнике XVII века «**Повѣсти, или Пословицы всенароднѣишыя по алфавитѣ**») и до сих пор активно функционирующие в современной русской речи. Ср.: **Знать соколъ по полетѣ** (1061) как вариант **Знать сова' по перью** (1062) $\Rightarrow$ *Видна птица по полету* или *Вид-*

но птицу (сокола, сову) по полету или Знать (видать) птицу (сову) по полету; Красень догъ платежемъ (1252) как вариант Заемъ красень платежемъ (1094) ⇒ Долг платежом красен; По платью встречаютъ а по уму провожаютъ (1921) как вариант Встречаютъ гостя по пла^тю а провожаю^т по уму (453) ⇒ По платью (по одежке) встречают, по уму провожают; Через³ силу и конь не скочитъ (2591) как вариант Выше мѣры и конь не скочетъ (407) ⇒ Выше меры (через силу) и конь не скачет; Давно то пропало что с воза упало (663) как вариант Что съ воза упало то пропало (2639) ⇒ Что с возу (с воза) упало, то <i>и</i> пропало и т. п. Не всегда бесспорна и квалификация В. П. Жуковым некоторых русских пословиц как устаревших. Ср. У бабы волос долог, да (а) ум короток (устар.) ⇐ Волосы долги да умъ коротокъ (415) или У бабы волосы долги а умъ коротокъ (2371) и т. п.

Следует заметить, что в русской паремиографии до недавнего времени не было словарей и сборников, которые были бы ориентированы на отражение актуального состояния паремиологического состава русского литературного языка. Пожалуй, первым таким словарем можно считать «Школьный словарь живых русских пословиц» (2002), в который вошло около 700 наиболее употребительных русских пословиц, активно бытующих в наше время (Мокиенко и др. 2002). Это существенно затрудняет описание современного состава русских пословиц, но не препятствует выявлению единиц основного паремиологического фонда. Помимо словарей, в которых с различной полнотой представлены единицы паремиологического минимума (Реттjakow 1985; Пермjakов 1986; Фелицына, Прохоров 1988; Котова 2000), функцию таких справочников вполне успешно могут выполнять словари и сборники антипословиц (Вальтер, Мокиенко 2005; Мокиенко, Вальтер 2006), в которых зафиксированы пародийные и шуточные трансформации широко известных на данный момент пословиц (предполагается, что одной из основных причин возникновения антипословиц является именно широкая известность их прототипов, без которой сама по себе пародия будет мало понятной или вовсе бессмысленной).

3.2. Вторая проблема (собственно лингвистическая) связана с возможностью большого числа различных формальных (фонетических и/или графических) и структурных (лексических и грамматических) модификаций одной и той же пословицы в разные исторические периоды развития языка, что может затруднять ее идентификацию в текстах и в паремиографических источниках. Ср.: Друзья познаются в беде (Жуков 1991) ⇐ Другъ вѣренъ въ напастехъ по³навае^тся (рукописный сборник

XVII века, 720); *Другъ познается въ нещастіи* и *Другъ познавается при рати, да при бѣдѣ* (Снегиревъ 1848); *Запас кармана (мешка) не трет (не дерет)* (Жуков 1991) $\Leftarrow$ *Запасъ мѣшка не портитъ* (рукописный сборник XVII века, 1050); *Запасъ бѣды не чинитъ* и *Запасъ мѣшку не порча* и *Запасъ человѣка не портитъ* (Снегиревъ 1848); *Пословица не даром (не мимо) молвится* (Жуков 1991) $\Leftarrow$ *Старыѣ людиѣ пословицы не мимо дѣла* (рукописный сборник XVII века, 2103); *Старая пословица не мимо молвится* (Снегиревъ 1848); *Против рожна не попрешь* (Жуков 1991) $\Leftarrow$ *Истинно не ложно проти^ѣ рожну пра^т не во³можно* (рукописный сборник XVII века, 1148); *Трудно противъ рожна прать* (Снегиревъ 1848); *Трудно противу рожна прати* (Даль 1862: 922) и т. п.

Формальные и структурные модификации одной и той же пословицы в истории ее функционирования следует квалифицировать как парадигму вариативных форм данной паремиологической единицы (при условии неизменности ее семантики на всех этапах исторического развития языка). В таком случае предполагается, что звучание (написание), лексический состав и грамматическая организация одной и той же пословицы могут изменяться, однако только до тех пор, пока не нарушается симметрия ее плана выражения и плана содержания. В противном случае мы имеем дело либо с перефразированной пословицей, не синонимичной исходной паремии, либо вообще с двумя генетически различными единицами.

Разграничение вариативных форм пословицы, ее перефразирований, а также случайных совпадений лексико-грамматических форм генетически различных паремиологических единиц часто является довольно трудной этимологической задачей, которая не всегда успешно решается. Например, пословицы *В поле две воли: чья сильнее (чья возьмет)* (Жуков 1991) $\Leftarrow$ *Въ полѣ воля* (рукописный сборник XVII века, 543) и *В <числом> поле четыре воли <хоть туда, хоть сюда, хоть инаково>* (Жуков 1991) образованы по сходным моделям, но имеют различные мотивировки значений (что подтверждается их вторыми частями), и поэтому не связаны друг с другом деривационными отношениями, на основании чего верно квалифицируются в толковом словаре русских пословиц и поговорок В. П. Жукова как генетически различные единицы. Вместе с тем, в этом же словаре пословица *Делу время, <a> потехе час* (Жуков 1991) ошибочно возводится к древней пословице *Пѣнню время и мѣтвѣ часъ* (рукописный сборник XVII века, 2019), которая не может быть первоначальной «формой» получившей широкую известность приписки царя Алексея Михайловича к сборнику правил соколиной охоты, поскольку имеет иной прототип и, соответственно, иную мотивировку своего значения, хотя и образована по той же паремиологической модели.

Лексико-грамматические отличия древних и современных форм пословиц следует рассматривать как результат ряда их системных преобразований в тот или иной период развития языка. Структурные модификации пословиц в диахронической перспективе не выходят за рамки четырех основных способов трансформации языкового знака: субституции (замены и вставки), инверсии (перестановки), элиминации (удаления) и аннексии (присоединения) как отдельных компонентов, так и целых структурных частей пословиц. Ср.: *Вольному воля <, спасенному рай>* (Жуков 1991) ← *Волному воля ходячѣму путь* (рукописный сборник XVII века, 392); *Вольному воля, а спасенному рай* (Снегиревъ 1848); *Вольному воля, спасенному рай, бѣшеному поле, чорту болото* (Даль 1862: 933); *Не в свои сани не садись* (Жуков 1991) ← *В чѣжне' сани' не садись* (рукописный сборник XVII века, 498); *Не въ свои сани не садись!* (Снегиревъ 1848; Даль 1862: 681); *Повинную голову <и> меч не сечет* (Жуков 1991) ← *Мяжкое слово кость ломить а поко'ные головы ї ме' не сѣче'* (рукописный сборник XVII века, 1621); *Покорной головы (или: повинную голову) и мечь не сѣчеть* (Даль 1862: 213); *Рука руку моет <, и обе белы бывают>* (Жуков 1991) ← *Рѣка рѣкѣ моетъ а обѣ хотя' бѣлы быть* (рукописный сборник XVII века, 2035); *Рука руку моетъ, а обѣ хотять быть бѣлы* (Снегиревъ 1848); *Рука руку моетъ, и обѣ бѣлы живутъ* (Даль 1862, 119); *Своя ноша не тянет* (Жуков 1991) ← *Своя ноша' не тянетъ и потѣ не канетъ* (рукописный сборник XVII века, 2227); *Своя ноша не тянетъ* (Даль 1862: 651, 671 и др.); *У страха глаза велики* (Жуков 1991) ← *У страхѣ гла' велики* (рукописный сборник XVII века, 2298); *У страха глаза, что плошки, а не видять ни крошки* (Даль 1862: 275) и т. п.

4. Основной паремиологический фонд русского языка. В современном русском языке употребляется около 200 пословиц, средний возраст которых, по данным толкового словаря русских пословиц и поговорок В. П. Жукова (Жуков 1991) и первого рукописного сборника русских паремий XVII века «*Повѣсти, или Пословицы всенароднѣишыя по алфавитѣ*» (Старинные сборники 1899: 73–162), насчитывает не менее трех столетий (Иванов 2009 [б]). Состав этих пословиц предлагается квалифицировать как **основной паремиологический фонд русского языка** (Иванов 2002; Иванов 2007 [а]; Иванов 2007 [б]; Иванов 2009 [а]), который, безусловно, не может и не должен быть ограничен только этими единицами без обращения к широкому кругу текстовых источников функционирования пословиц в устной и письменной речи.

Квантитативные параметры основного паремиологического фонда языка будут зависеть от глубины временного охвата паремиологического материала (одно, два, три и т. д. столетия), а его качественный состав от объема и достоверности избранных для анализа паремиографических и текстовых источников.

В данном случае основными текстовыми источниками функционирования русских пословиц послужили те литературные произведения XVIII–XX веков, которые составили основу языкового материала при составлении толкового паремиологического словаря В. П. Жукова (Жуков 1991) и представлены в этом словаре в качестве иллюстративных цитат употребления пословиц.

5. Соотношение единиц паремиологического минимума и основного паремиологического фонда русского языка. В составе «паремиологического минимума» Г. Л. Пермякова и основного паремиологического фонда русского языка совпадает только около 80 пословиц (Иванов 2009 [а]: 144). Если исключить устаревшие на сегодняшний день изречения (около 15), то число русских пословиц, которые не претерпели за последние три столетия существенных структурных изменений и не утратили актуальность своего содержания, однако не вошли в паремиологический минимум Г. Л. Пермякова, составляет более 100 единиц. Среди них немало таких, употребительность в живой речи и общеизвестность которых в настоящее время не вызывает сомнений. Ср.: *Долгие проводы — лишние слезы; Запас кармана не трет; Не зная броду, не суйся в воду; Пар костей не ломит; По Сеньке и шапка; Седина в бороду (в голову), бес в ребро; Собака лает, ветер носит* и т. п.

Для выявления наиболее известных на сегодняшний день пословиц из состава основного паремиологического фонда русского языка нами был проведен устный опрос, в котором приняли участие 20 человек из числа студентов и преподавателей университетов г. Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Минска (март — апрель 2007 г.). Информантам было предложено оценить 200 пословиц основного паремиологического фонда русского языка только по одному параметру: как им «известные» или как им «неизвестные». В результате опроса было выявлено ядро **основного паремиологического фонда русского языка**, в состав которого вошло около 110 единиц (помеченные более 90 % информантов как «известные»), в том числе почти 30 пословиц, не вошедших в «паремиологический минимум» Г. Л. Пермякова. Ср.

1. *Бог даст день, даст и пищу* ⇐ *Дастъ Богъ у'тро и день дастъ Богъ и пищу'* (682).
2. *Бог (Господь) не выдаст, свинья не съест* ⇐ *Богъ здасть и свинья съ'ѣстъ* (229).

3. Бодливой корове бог рог не дает $\Leftarrow$ **Бо^ливон' корове' Бо^гъ рогъ не дае^{тъ}** (232).
4. Большому кораблю — большое <и> плавание $\Leftarrow$ **Великому коро^блю велико и плавание'** (371).
5. Были бы кости, а мясо нарастет (будет) $\Leftarrow$ **Были бы' кости' а ^{на} кость' мясо буде^{тъ}** (226).
6. Взятся за гуж, не говори, что не дюж $\Leftarrow$ **Взякся' за гу^ж* не говори' что не дюжъ** (418).
7. Видна птица по полету или Видно птицу (сокола, сову) по полету или Знать (видать) птицу (сову) по полету $\Leftarrow$ **Знать соколъ по полетъ'** (1061) и **Знать сова' по перью** (1062).
8. Вольному воля $\Leftarrow$ **Волному воля ходячему путь** (392).
9. Ворон ворону глаз не выклюет $\Leftarrow$ **Воронъ ворону глаза' не выклюе^{тъ}** (405).
10. Всем сестрам по серьгам $\Leftarrow$ **Достане^{тъ} ся сестрамъ по се^ргамъ** (767).
11. Всему свое время $\Leftarrow$ **Всякон' вещи' время'** (509).
12. Где тонко, там и рвется $\Leftarrow$ **Гдѣ тонко тамъ и рвется** (577).
13. Голод не тетка $\Leftarrow$ **Голодъ не тютка' пирожка не по^дсунетъ** (599).
14. Гора с горою не сходится, а человек с человеком сойдется $\Leftarrow$ **Гора съ горою не со^ддется' а чѣвкъ с чѣвко^м со^ддется** (594).
15. Горбатого <одна> могила исправит $\Leftarrow$ **Горбатаго грѣ^б исправляетъ** (559).
16. Гром не грянет, мужик не перекрестится $\Leftarrow$ **Громъ не грянетъ и мужикъ не ^арогне^{тъ}** (645).
17. Дальние (долгие) проводы — лишние слезы $\Leftarrow$ **Далныє проводы лишниє' слезы** (795).
18. Дареному коню в зубы не смотрят $\Leftarrow$ **Даравому каню въ зѹбы не смотре^{тъ}** (737).
19. Дело мастера боится $\Leftarrow$ **Всякое дѣло мастера' вонтеся** (410).
20. Делу время, <а> потехе час $\Leftarrow$ **Пѣнню время и мѣтвѣ часъ** (2019).
21. Деньги (денежки) счет любят $\Leftarrow$ **Денешка любнтъ щотъ** (748).
22. Долг платежом красен $\Leftarrow$ **Зае^мъ красенъ платежемъ** (1094) и **Красенъ до^гъ платежемъ** (1252).

23. Друзья познаются в беде $\Leftarrow$ **Другъ вѣренъ въ напастехъ по³набае⁷ся** (720).
24. Дураков не орут, не сеют, а сами рождаются или Дураков не сеют, не жнут, сами рождаются $\Leftarrow$ **Ду⁷раковъ ни сѣютъ ни жнутъ сами рождаются** (666).
25. Женится — переменится $\Leftarrow$ **Жен⁷ся перемен⁷ся** (1003).
26. Жизнь прожить (пережить) — не поле перейти $\Leftarrow$ **Вѣкъ пе⁷режить не поля перентить** (393).
27. За <одного> битого (ученого) двух небитых (неученых) дают $\Leftarrow$ **На бито⁶ два⁷ небитыхъ даютъ** (1767).
28. Запас карман не трет $\Leftarrow$ **Запасъ мѣшка не портить** (1050).
29. Знает (чуёт) кошка, чье мясо съела $\Leftarrow$ **Знаетъ кош⁷ка чье⁷ мяса съѣла** (1141).
30. Знай сверчок свой шесток или Всяк сверчок знай свой шесток $\Leftarrow$ **Зна⁷етъ сверчокъ свои⁷ шостокъ** (1070).
31. Из песни слова не выкинешь $\Leftarrow$ **Из пѣснн⁷ слова⁷ невыгородить** (1209).
32. <И> рад бы в рай, да грехи не пускают $\Leftarrow$ **Ра⁷ бы в ран⁷ да грѣхи⁷ не пѣстятъ** (2039).
33. Как аукнется, так и откликнется $\Leftarrow$ **Какъ въ лесъ кли⁷нешъ такъ и о⁷кликне⁷ся** (1263).
34. Как (сколько) волка ни корми, <a> он все в лес глядит $\Leftarrow$ **Какко волка⁷ ни кормить а о⁷нъ къ лѣсу⁷ глядитъ** (1365).
35. Капля <и> камень долбит (точит) или Вода <и> камень точит $\Leftarrow$ **Мала⁷ даждевная капля жесто⁶ каме⁶ пробиваетъ** (1524).
36. Конь <и> о четырех ногах, да <и тот> спотыкается $\Leftarrow$ **Конь о⁷ четыре⁷ нога⁷ н то⁷ потыкается** (1356).
37. Кошке игрушки, а мышке слезки $\Leftarrow$ **Кошке⁷ игрушки⁷ а мышке⁷ слезки⁷** (1251).
38. Куда иголка, туда и нитка $\Leftarrow$ **Куды иголка⁷ тѣды⁷ н нитка** (1270).
39. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней $\Leftarrow$ **Куды конь съ копытомъ а ра⁶ тѣт⁷ же с клешнею** (1362).
40. Куй железо, пока горячо $\Leftarrow$ **Когда⁷ желѣзо⁷ кипитъ тогда ево н ковать** (1243).

41. Ласковое теля (телятко) двух маток (две матки) сосет $\Leftarrow$ **Ла^кково телетко двѣ ма^тки^т сосет^т а лихое и с^днѣ запбсти^т** (1453).
42. Лучше синица (синицу) в руки, чем журавль (журавля) в небе $\Leftarrow$ **Не сѹли^т жа^т равла вѣ небе дава^т синицѣ в рѣки^т** (1652).
43. Мал золотник, да дорог $\Leftarrow$ **Малѣ золотникѣ да дорогѣ и вели^т ѡу^ттъ да^т роси^т** (1570).
44. Маленькая (малая) собачка до старости щенок $\Leftarrow$ **Малая сабака^т и подѣ старость щена** (1540).
45. Муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую $\Leftarrow$ **Мѹжь женѣ любитѣ здоровѣю а^т ра^т сѣ^т тру богатѣю** (1619).
46. На Бога надейся, а сам не плошай $\Leftarrow$ **Богу^т молися^т а самѣ не плашня^т** (338).
47. На всякого (на каждого) мудреца довольно простоты $\Leftarrow$ **Во всякомѣ мѹреце дово^тно простоты** (486).
48. На чужой (на всякий) роток не накинешь платок или На чужой рот пуговицы не нашешь $\Leftarrow$ **На чужон^т ро^т не пугвица^т нашить** (1760).
49. Назвался груздем (грибом), полезай в кузов $\Leftarrow$ **Назва^твся грѹздемѣ лѣсти вѣ кѹзовѣ** (1815).
50. Насильно мил не будешь $\Leftarrow$ **Насилѹ^т милѹ не быть** (1716).
51. Начал за здравие, а кончил за упокой $\Leftarrow$ **Сачалѣ за здравье^т а свелѣ за упокон^т** (1088).
52. Не в свои сани не садись $\Leftarrow$ **В ч^ожне^т сани^т не садись** (498).
53. Не все коту масленица $\Leftarrow$ **Збыла^т котѣ своя масленица** (1082).
54. Не давши слова, крепись, а давши, держись или Давши слово, держись, а не давши, крепись $\Leftarrow$ **До слова^т крѣпнися а мо^твя слово де^тжися** (776) или **Не молвя слова крѣпнися^т а мо^твя слова де^тжися** (1667).
55. Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел $\Leftarrow$ **Не за то волка бьютѣ что с^т сѣ^т за то что с^ѣлъ** (1711).
56. Не имей (не держи) сто рублей, <a> имей (держи) сто друзей $\Leftarrow$ **Лѹтче^т ста рѹблевѣ сто дрѹговѣ** (1404).
57. Не красна изба углами, а красна пирогами $\Leftarrow$ **Не красна^т нѣба^т ѹглами^т красна пирогами** (1710).
58. Не плюй в колодец, пригодится воды напиться $\Leftarrow$ **Не плюн^т вѣ колоде^ѣ либо лѹчитѣся воды испи^т** (1663).

59. Не пойман — не вор $\Leftarrow$ **Не понманъ не тать не по¹нята не блядь** (1700).
60. Не положа, не ищут $\Leftarrow$ **Не потерявъ не нищи** (1759).
61. Не родись красив (красивым), а родись счастлив (счастливым) $\Leftarrow$ **Не родися' ни хорошь ни приго^{*} родня щасливъ** (1786).
62. Не рой другому яму (ямы), сам в нее попадешь $\Leftarrow$ **Не копа" по¹ другомъ яму самъ ввалишся** (1636).
63. Не спросясь (не зная) броду, не суйся в воду $\Leftarrow$ **Не помѣривъ бродъ не мечнясь въ водѣ** (1783).
64. Ночная кукушка дневную перекукует $\Leftarrow$ **Нощная какушка' денную перѣ'коковываетъ** (1792).
65. Обжегшись на молоке, станешь (будешь) дуть и на воду $\Leftarrow$ **Ожегся' на молокѣ и на водѣ дуетъ** (1866).
66. От добра добра не ищут $\Leftarrow$ **От добра' добра' не ищутъ** (2539).
67. Охота пуще неволи $\Leftarrow$ **Охота' пуще неволн** (1839).
68. Пар костей не ломит $\Leftarrow$ **Паръ кости' не ломитъ** (1910).
69. Пеший конному не товарищ $\Leftarrow$ **Пѣшон' конномѣ не товарищъ** (1876).
70. Плетью обуха не перешибешь $\Leftarrow$ **Плетью о'буха' не перебить** (1891).
71. По одежке протягивай ножки $\Leftarrow$ **По о'дежке протяган' ношки** (1989).
72. По платью (по одежке) встречают, по уму провожают $\Leftarrow$ **Встречаютъ гостя' по пла'тю а провожаютъ по умѣ** (453) и **По платью встречаютъ а по умѣ провожаютъ** (1921).
73. По Сеньке <и> шапка $\Leftarrow$ **По Сенке' и шапка** (1878).
74. Повинную голову <и> меч не сечет $\Leftarrow$ **Мяхоє слово кость ломитъ а покo'ные головы ї мѣ' не сѣче"** (1621).
75. Под лежащий камень и вода не течет $\Leftarrow$ **По¹ лежачь вода' не идетъ** (1897).
76. Пословица не даром молвится $\Leftarrow$ **Стары' люден пословицы не мимо дѣла** (2103).
77. Пришла беда, отворяй (растворяй, открывай) ворота $\Leftarrow$ **Та' бѣда' ѣдетъ въ ворота** (2274).
78. Пьяному <и> морé по колено (по колена) $\Leftarrow$ **Пьяному и море по калѣна** (1896).

79. Ранняя птичка носок прочищает (очищает), <a> поздняя глаза (глазки) продирает $\Leftarrow$ **Рѧ^нпяѧ птица' нѧ^о очнищаетъ а пѧ^зная глаза' прѧдрѧет[ъ]** (2034).
80. Рука руку моет $\Leftarrow$ **Рѧка рѧкѧ' моетъ а о'бѧ^т хотѧ^т бѧлы бытъ** (2035).
81. Рыба ищет, где глубже, <a> человек — где лучше $\Leftarrow$ **Рыба ищетъ гдѧ^т глѧбѧ^тже' а чѧвѧкъ гдѧ^т лѧчѧше** (2100).
82. Свет не клином сошелся $\Leftarrow$ **Г'дрѧ^т земля не клиномъ сошла'** (579).
83. Своя ноша не тянет $\Leftarrow$ **Своя ноша' не тянетъ и потѧ^т не канетъ** (2227).
84. Семь раз примерь (отмерь), один раз отрежь $\Leftarrow$ **Семью примѧрявъ о'динова' ѧрѧ^тжъ** (2197).
85. Снявши голову, по волосам не плачут $\Leftarrow$ **Снявъ головѧ^т да на^т волосами' плачѧтъ** (2233).
86. Собака лает, ветер носит $\Leftarrow$ **Собака' лаетъ а вѧтрѧ^т проноситъ** (2144).
87. Соловья баснями не кормят $\Leftarrow$ **Басни соловья не кормятъ** (182) или **Соловья басни' не кормятъ** (2131).
88. Старого воробья на мякине не проведешь (не обманешь) $\Leftarrow$ **Хочетъ старова' ворѧ^т я' на^т мякинами' ѧ^т манѧтъ** (2502).
89. Старый друг лучше новых двух $\Leftarrow$ **Старѧ^т дрѧгѧ^т лѧчше' семерѧ^т молодѧ^т** (2230).
90. Стерпится, слобится $\Leftarrow$ **Лихо терпѧтъ а' стерпится' слобится** (1486).
91. Сухая ложка рот дерет $\Leftarrow$ **Сѧхая ложка' ротъ деретъ** (2127).
92. Сытый голодного не разумеет $\Leftarrow$ **Сытъ голодѧ^т не разумѧетъ** (2148).
93. Тише едешь, дальше будешь $\Leftarrow$ **Тише' поѧдешъ дале будешъ** (2240) или **Хто ѧ^т дитъ тихо' то^т бѧдетъ дале** (2406).
94. У бабы волос долог, да (а) ум короток $\Leftarrow$ **Волосы' дѧгн' да ѧмъ коротокъ** (415) или **ѧ^т бабы' волосы' дѧгн' а ѧмъ коротокъ** (2371).
95. У семи нянек дитя без глаза $\Leftarrow$ **ѧ^т семи' мамакъ дитя' безъ глаза** (2300).
96. У страха глаза велики $\Leftarrow$ **ѧ^т страхѧ^т гла' велики** (2298).

97. Ум хорошо, <a> два лучше $\Leftarrow$ **Умъ добро' а два' и лу'че тово** (2313).
98. Утро вечера мудренее $\Leftarrow$ **Утро вечера' мѡдренѣе** (2315).
99. Ученье свет, <a> неученье тьма $\Leftarrow$ **Совѣтъ свѣтъ а несовѣтъ тма** (2126).
100. Чем богаты (богат), тем и рады (рад) $\Leftarrow$ **Чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ** (2589).
101. Чем (что) дальше в лес, тем (то) больше дров $\Leftarrow$ **Дале въ лѣсъ болше дровъ** (779).
102. Чему быть, того (тому) не миновать $\Leftarrow$ **Чемъ быть тово' не минутъ** (2606).
103. Что написано пером, того не вырубишь топором $\Leftarrow$ **Написано перомъ не высѣчеш и топоромъ** (1708).
104. Что посеешь, то и пожнешь $\Leftarrow$ **Каково посѣемъ таково и пожнемъ** (1376).
105. Что с возу (с воза) упало, то <и> пропало $\Leftarrow$ **Давно то пропало что съ воза' упало** (663) и **Что' съ воза' у'пало' то пропало** (2639).
106. Шила (шило) в мешке не утаишь $\Leftarrow$ **Шила' въ мѣхѣ не у'тантъ** (2648).
107. Яблоко (яблочко) от яблони (от яблоньки) недалеко падает $\Leftarrow$ **Мимо яблонцы яблочко не падетъ** (1519).
108. Язык до Киева доведет $\Leftarrow$ **Языкъ Кнева' даведетъ** (2763).
109. Язык мой — враг мой $\Leftarrow$ **Языкъ мон' врагъ мон' прежде' у'ма мое' рыще'** (2761).

Приведенный список, безусловно, не может рассматриваться в качестве окончательного и открыт для поправок и уточнений как при обращении к новым паремиографическим и текстовым источникам функционирования русских пословиц, так и при новых экспериментальных данных об известности пословиц современным носителям русского языка. Его роль в данном случае заключается в том, чтобы продемонстрировать принципиальное отличие паремиологического минимума и основного паремиологического фонда языка по набору входящих в них единиц.

Некоторые выводы. Выявление и сравнение широко употребительных пословиц русского языка в исторической перспективе и в его современном состоянии позволяет утверждать следующее.

1. Паремиологический минимум — это лингвистическая категория, которая объединяет наиболее употребительные пословицы только в рамках определенного периода исторического развития языка.
2. Основной паремиологический фонд можно квалифицировать как лингвистическую категорию, которая объединяет пословицы, широко употребительные на разных этапах исторического развития языка, включая современный период.
3. Состав наиболее употребительных пословиц не совпадает в диахронии (паремиологическом минимуме) и в синхронии (основном паремиологическом фонде) ни качественно, ни количественно.
4. Только единицы основного паремиологического фонда могут и должны (вопреки мнению Г. Л. Пермякова) содержать основной набор реалий всего паремиологического корпуса, поскольку являются широко употребительными не только в течение определенного периода, но и на различных этапах исторического развития данного языка.

В связи с этим одной из насущных задач современной паремиологии видится не столько совершенствование способов и приемов эксперимента по определению паремиологического минимума, сколько разработка принципов и методики выявления и описания основного паремиологического фонда языка.

Определение количественных и качественных параметров основных паремиологических фондов различных языков мира (Иванов 2006) имеет решающее значение не только для квалификации паремиологического фонда как части языковой системы и его соответствующего описания, но и для сравнительно-исторического и типологического изучения пословиц на основе объективных лингвистических данных.

Литература

1. *Верещанин Е. М., Костомаров В. Г.* Национально-культурная семантика языковых афоризмов // *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.* — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Русский язык, 1990. — С. 71–80.
2. *Иванов Е. Е.* «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом» // *Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, г. Варна, Болгария, 17–23 сентября 2007 г.: в 7 т.* — София: Heron Press Ltd., 2007 [а]. — Т. 2. Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития / под ред. Ст. Георгиевой, А. Липовской. — С. 152–156.
3. *Иванов Е. Е.* «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом» // *Eigenes und Fremdes in der Slavia: Festschrift für Ewa Komorowska zum 50. Geburtstag / Hrsg. v.*

- U. Kantorczyk und H. Walter. — Greifswald: E. M. A.-Universität, 2007 [6]. — S. 115–118.
4. *Иванов Е. Е.* «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом» // Фразеология германских, романских и славянских языков = Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages = Phraséologie germanique, romane et slave: сборник научных статей / под ред. Е. Е. Иванова. — Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2009 [а]. — Вып. 1. — С. 137–146.
  5. *Иванов Е. Е.* Пословицы «основного паремиологического фонда» русского языка (по материалам «Словаря русских пословиц и поговорок» (1991) В. П. Жукова и рукописного сборника русских паремий XVII века «**Повѣсти, или Пословицы всенароднѣшныя по алфавитѣ**») // Фразеология германских, романских и славянских языков = Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages = Phraséologie germanique, romane et slave: сборник научных статей / под ред. Е. Е. Иванова. — Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2009 [6]. — Вып. 1. — С. 259–268.
  6. *Иваноў Я. Я.* Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. — 2006. — № 3. — С. 103–109.
  7. *Котова М. Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2000. — 360 с.
  8. *Крикман А.* Паремеиологические эксперименты Г. Л. Пермякова // Малые формы фольклора: сборник статей памяти Г. Л. Пермякова. — М.: «Восточная литература» РАН, 1995. — С. 338–382.
  9. *Мокиенко В. М.* Паремеиологический минимум и паремеиологические максимумы современной русской жизни // Слова. Концепты. Мифы: сборник статей к 60-летию А. Ф. Журавлева. — М.: Индрик, 2011. — С. 218–231.
  10. *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремеиологии. — М.: Наука, 1988. — 236 с.
  11. *Iwanow J.* О «паремеиологическом минимуме» и «основном паремеиологическом фонде» русского языка // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich.* — Białystok: Wyd-wo UwB, 2002. — Т. VIII. Z języka i kultury pogranicza / red. nauk. J. F. Nosowicz, K. Budrowska. — S. 87–93.

Словари

1. *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. — СПб.: Нева; ОЛМА Медиагрупп, 2005. — 574 с.
2. *Даля В.* Пословицы русскаго народа. Сборникъ пословиць, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрцій и проч. В. Даля. — Москва: Въ Университетской типографіи, 1862. — XL, 1095, 6 с.
3. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок: около 1200 пословиц и поговорок. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Русский язык, 1991. — 534 с.

4. *Мокиенко В. М.* и др. Школьный словарь живых русских пословиц. — СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. — 352 с.
5. *Мокиенко В. М., Вальтер Х.* Прикольный словарь: антипословицы и антиафоризмы. — СПб.: Нева, 2006. — 383 с.
6. *Пермяков Г. Л.* 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок = 300 allgemeinebrauchliche russische Sprichwörtliche Redensarten: для говорящих на немецком языке. — М.: Русский язык, 1985. — 160 с.
7. *Пермяков Г. Л.* 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок = 300 общоупотребителни руски пословици и поговорки: для говорящих на болгарском языке. — М.: Русский язык; София: Народна просвета, 1986. — 128 с.
8. *Снегирев И.* Русскія народныя пословицы и притчи, изданныя И. Снегиревымъ с предисловіем и дополненіями. — М.: Въ Университетской типографіи, 1848. — XLV, 503 с.
9. Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій / собралъ и приготовилъ къ печати П. К. Симони. — Санктъ-Петербургъ, 1899. — Вып. 1 (I-II). — 268, XIII с.
10. *Фелицына В. П.* Русские пословицы и поговорки // *Фелицына В. П., Прохорова Ю. Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1988. — С. 25–144.